

ЧК.РФ

Возвращение Дзержинского — признак окончательного транзита власти в руки спецслужб. Вот только многим наследникам его фигура кажется мягковатой для текущего момента

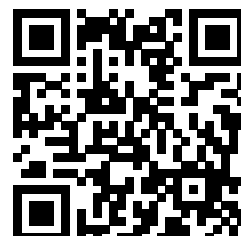

31 августа 1991 года. Выставка павших монументов на Крымском Валу. Тогда казалось, что это памятник тому, чем остаются в истории любые тоталитарные режимы. Фото: Виктор Великжанин / Фотохроника ТАСС

07:13, 20 июля 2026,

Андрей Колесников*

обозреватель «Новой»

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ КОЛЕСНИКОВЫМ АНДРЕЕМ
ВЛАДИМИРОВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА КОЛЕСНИКОВА АНДРЕЯ
ВЛАДИМИРОВИЧА.

*Юноше, обдумывающему житье, решающему — сделать бы
жизнь с кого, скажу не задумываясь — «Делай ее с товарища
Дзержинского».*

Владимир Маяковский, «Хорошо!», 1927 г.

«Вы заняты нашим балансом,

Трагедией ВСНХ...»

Борис Пастернак, «Маяковскому», 1922 г.

Знаменитый иллюстратор Феликс-Лев Збарский был назван своим отцом Борисом Збарским, который бальзамировал Ильича, столь странным для советского глаза и уха именем в честь химика Льва Карпова и Феликса Дзержинского (к моменту рождения будущего художника «рыцарь революции» давно умер, но миф и память — жили). Дальнейшая биография Феликса-Льва как в частной жизни, так и общественной, закончившейся эмиграцией, была далека от чекистских и в целом советских мифологических идеалов.

Дзержинский, ставший человеком-символом, воплощенным в камне и запечатленным на многочисленных парадных

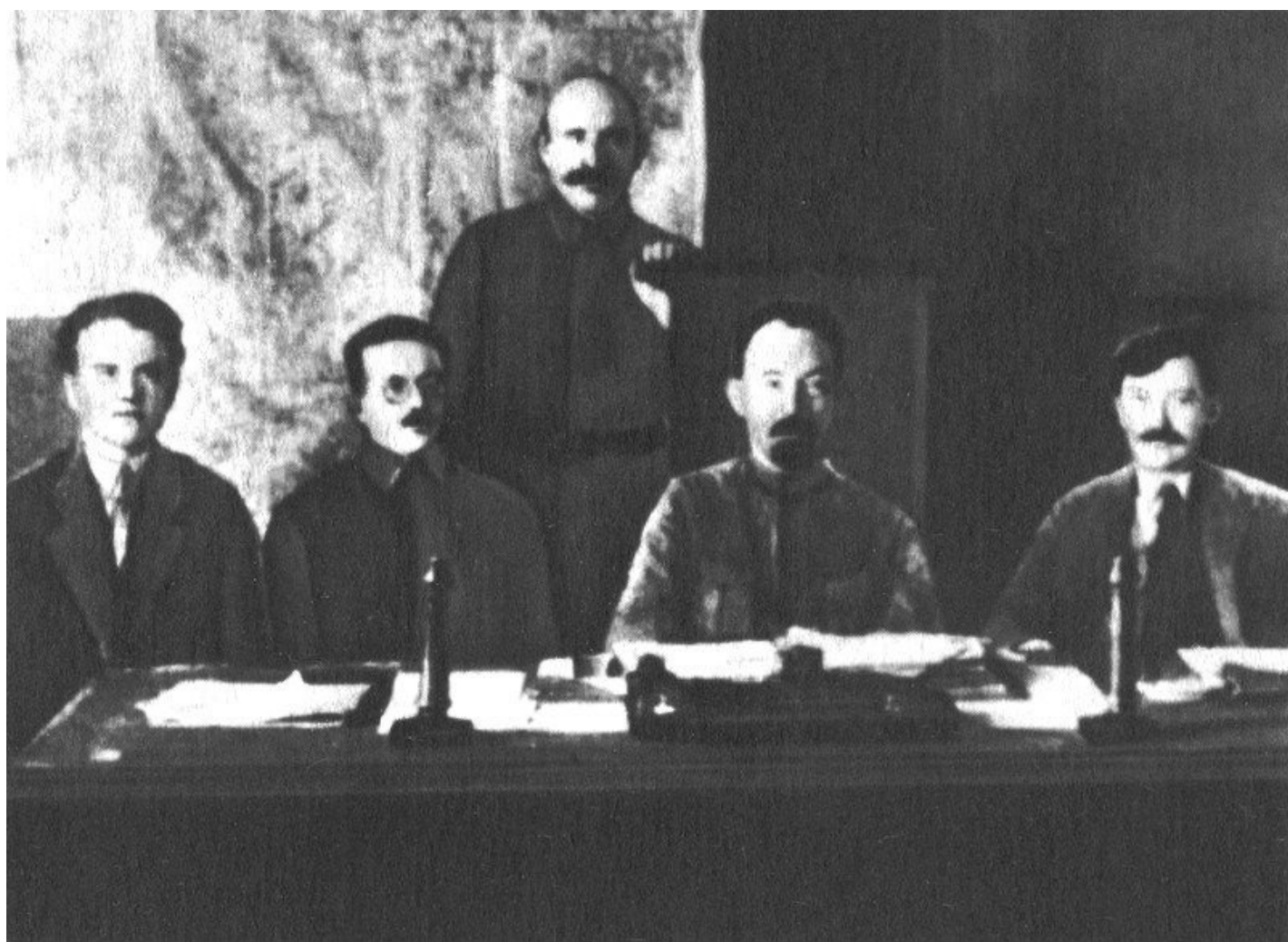
портретах, вошедший в стандартную советскую топонимику и превратившийся в условную улицу «Орджоникидзержинского», «родню советским захолустьям» (определение Сергея Гандлевского), и сам лепил икону — мумифицированного Ильича. Не своими собственными руками, но близко к тому, поскольку в 1924-м после смерти Ленина был председателем Комиссии по увековечению. А «изувековечил» вождя революции как раз Борис Збарский, утвердивший у Дзержинского технологию бальзамирования. Так получилось, что Борис Ильич оказался обязанным и благодарным Феликсу Эдмундовичу за постоянную работу — хранителя тела. Что, правда, не спасло его от ареста на пике паранойи Сталина.

Пережил бы Дзержинский 30-е годы?

Дзержинский, конечно, символ жестокости и отец-основатель спецслужбы, которая вполне соревновалась во влиянии с «руководящей и направляющей силой» — КПСС. Слово «чекисты» — из его времен, правда, идеологический смысл сильно изменился с появлением новой разновидности — «православных чекистов», которые держат в своих кабинетах и коридорах скорее портреты Сталина и флаги Пригожина, чем изображения Дзержинского и Андропова. Феликс Эдмундович далековат от поздней романтики шансона «Давайте выпьем же, мужчины, за тех кто служит в КГБ (ФСБ)», и тем не менее, его рыцарский образ, чем-то напоминающий Дон Кихота, служит моральным оправданием всех этих «холодных голов, горячих сердец и чистых рук». И уж, конечно, в андроповские времена он был безусловной хоругвью.

Хотя, судя по тому, как развивались события после его скоропостижной кончины в 1926-м после дискуссии по хозяйственным вопросам, а Феликс Эдмундович горячо в них погрузился, будучи председателем ВСНХ, едва ли бы он выжил при зрелом и уж тем более позднем сталинизме. Поскольку он вовремя перешел в разряд иконы, выжили и его вдова, и его

сын, умерший так же скоропостижно и почти в том же возрасте, Яну было — 49, его отцу — 48. Два брата Дзержинского погибли во Вторую мировую, будучи связанными с Армией Крайовой, племянник был адъютантом Пилсудского и эмигрировал в Канаду. В 1931-м проходил процесс «Союзного бюро меньшевиков», среди обвиняемых были экономисты, которые работали с Дзержинским в ВСНХ и которых он очень ценил. В общем, у товарища Сталина могли бы накопиться претензии к первому чекисту, дворянину города Вильны, римско-католического вероисповедания...

Члены коллегии ВЧК (слева направо) Я. Х. Петерс, И. С. Уншлихт, А. Я. Беленький (стоит), Ф. Э. Дзержинский, В. Р. Менжинский. 1921 г. Фото: википедия

«Великий террорист»

Зам Дзержинского Вячеслав Менжинский называл своего шефа «великим террористом»: «Он действовал не только ужасом, но и

глубоким пониманием всех зигзагов человеческой души. Воспитанный не только на польской, но и на русской литературе, он стал несравненным психологом и использовал это для разгрома русской контрреволюционной интеллигенции». Николай Бердяев, которого не раз арестовывала ЧК, однажды был допрошен лично Дзержинским, с интересом выслушавшим речь философа и отправившим его домой на мотоциклете — ведь кругом «процветал бандитизм»; начальник тюрьмы подобострастно спросил у будущего автора «Истоков и смысла русского коммунизма»: «Понравилось вам у нас?» У Бердяева остались такие впечатления: «Это был блондин с жидкой заостренной бородкой, с серыми мутными и меланхолическими глазами; в его внешности и манере было что-то мягкое, чувствовалась благовоспитанность и вежливость... Это имя человека, создавшего Чека, считалось кровавым и приводило в ужас всю Россию».

Николай Бухарин так описывал последнее предсмертное выступление Дзержинского: «Странный румянец играет на щеках, то вдруг вспыхивая, то исчезая. Лихорадочно блестят глаза, блестящие внутренним огнем и в то же время такие больные. Лицо — строгое и энергичное — революционного борца, преданного до конца, до гроба (лицо «фанатика» — сказали бы филистеры)». Так и сказал «филистер» Бердяев:

«Дзержинский произвел на меня впечатление человека вполне убежденного и искреннего. Думаю, что он не был плохим человеком и даже по природе не был человеком жестоким. Это был фанатик. По его глазам он производил впечатление человека одержимого».

В своем фанатизме Дзержинский, будучи некоторое время наркомом путей сообщения, а затем председателем Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), не избегал здравого смысла и экономической рациональности. Например, решение Льва Троцкого, предшественника основателя ЧК на посту наркома путей сообщения, тратить золотой запас на паровозы натолкнуло Дзержинского на простую, казалось бы, мысль: управление экономикой предполагает взаимосвязанность решений, а то, имея множество паровозов, невозможно их использовать, «потому что наши мосты слишком слабы. Нам необходимы не паровозы, а фермы для мостов». Иной раз Дзержинский высказывался вполне как рыночник, выступая против не только бюрократизации, но и сверхцентрализованного планирования и распределения, промышленность, с его точки зрения, работала «для того, чтобы удовлетворить потребности населения».

Понятия «платежеспособный спрос» тогда еще не было, да и теоретиком главного чекиста и хозяйственника трудно было назвать, но верной интуиции ему хватало. Вслед за ведущими экономистами того времени Дзержинский поставил проблему отставания производительности труда от роста зарплат — этот изъян экономической системы присущ и позднему СССР, и сегодняшней путинолке. Абрам Гинзбург, основной разработчик пятилетнего плана развития промышленности, Арон Соколовский, Лев Кафенгауз, Николай Валентинов, ставший впоследствии невозвращенцем, — все они были меньшевиками, что не мешало Дзержинскому, по замечанию экономиста Наума Ясного, ими «гордиться».

Соколовский и Гинзбург, как и многие другие экономисты, в марте 1931-го проходили по делу так называемого Союзного бюро меньшевиков — процесс был родственным делам «Промпартии» и «Трудовой крестьянской партии». Пятилетний план Гинзбурга, в том числе в части производительности труда, был слишком реалистичным, чтобы не быть признанным

контрреволюционным. Абрам Моисеевич, кстати, женатый на сестре первой супруги Марка Шагала Беллы, был расстрелян, следы Соколовского затерялись в ГУЛАГе. Коллеги председателя ВСНХ пали жертвой системы, созданной их же шефом, — революция пожирала своих детей и, что характерно, по-настоящему квалифицированных специалистов. Все эти дела были полностью сфабрикованы самоедским механизмом государственного террора.

Лубянские месседжи

Долгое время идиолом спецслужбистской системы был Юрий Андропов. Минуя стадии совсем уж чудовищных вурдалаков, почти каждый из которых плохо кончил, романтическая революционная нить перекидывалась от вовремя скончавшегося Дзержинского через головы сверхидиозных фигур сразу к Юрию Владимировичу. Идол он и есть идол — в нем мало общего с реальной исторической фигурой, не говоря уже о мифе «было-бы-больше-у-Андропова-времени-провел-бы-реформы». Отцы-основатели — это такой трейдмарк системы.

Юрий Андропов на трибуне Мавзолея во время первомайской демонстрации. Фото: Эдуард Песов / ТАСС

Но и Дзержинский-символ, и Андропов-символ недостаточны для сегодняшних силовиков — в их символическом ряду появляются более выпуклые фигуры, причем в самых экзотических комбинациях — Сталин, Пригожин, появлявшиеся в некоторых отделениях полиции портреты Ягоды и Бери: силовую корпорацию надо понимать шире, чем просто ФСБ. Некоторые любят погорячее, и образы Дзержинского и Андропова кажутся чрезмерно системными и даже вегетарианскими, странным образом в недостаточной мере ассоциирующимися с требуемой степенью жесткости и жестокости.

Поэтому ожидаемое возвращение «Железного Феликса» на Лубянку — способ для Кремля и той же Лубянки, ставшей управляющей компанией «Россия инкорпорейтед энд антилимитед» (ибо такая корпорация не «лимитед», не

ограничена ничем), послать меседж населению: вот чья власть утверждена. К тому же

советский период заканчивался сносом памятника Дзержинскому, и его «возвращение и укрепление» отмерило бы время и положило предел иллюзиям по поводу сколько-нибудь нормального развития России.

На такую роль Феликс Эдмундович точно не претендовал, но не может же он ответить своим потомкам и последователям его секты из кремлевской стены. А про Андропова публично сейчас и не вспоминают...

Новым членам нынешней силовой корпорации уже не слишком интересно «делать жизнь» с товарищей Дзержинского и Андропова, есть фигуры посочнее. Пришло время иных «мироточащих» икон. А уж нынешний постсоветский ВСНХ ничего против этой власти сделать не может: милитаризация хозяйства и обрушение коммуникаций во имя «безопасности» не предполагают нормального экономического развития. Хорошо еще нет «дела финансово-экономического блока». Пока. Да и блок этот по завету Станислава Струмилина, который после Гинзбурга построил в большей степени устраивающий высшее руководство план, превентивно предпочитает стоять за высокие темпы роста, чем сидеть за низкие, даже не упоминая СВО как ключевой фактор, влияющий на экономику.

* Внесен властями РФ в реестр «иноагентов».

Этот материал вышел в девятнадцатом номере «Новая газета. Журнал». Купить его можно в [онлайн-магазине](#) наших партнеров.